

ПСИХОЛОГИЯ — С РЕЛИГИЕЙ ИЛИ БЕЗ НЕЕ?

А.В. ЛОРГУС

Лоргус Андрей Вадимович — священник, декан факультета психологии Российского православного университета Святого Апостола Иоанна Богослова, выпускник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (1982 г.).

Сфера профессиональных интересов — христианская антропология, христианская психология, христианская психологическая помощь.

Контакты: lorgus@comtv.ru

Резюме

В статье выражается тезис христианской психологии, согласно которому психология невозможна без духовно-ориентированного подхода к человеку, в котором предметом оказывается не только психика, богоподобная личность человека, но и душа, и дух, и одухотворенная телесность. Рассматривается проблема возвращения в психологию понятия души и принятия личности как несводимой к природе, свободной и непознаваемой аналитическими объективными методами онтологической основы человека.

Дискуссия, в которую мы вступаем, возвращает нас лет на 10–15 назад. Тогда, когда многие психологи со стыдом опознавали идеологическую предвзятость сделанного ими, казалось, что возвращение духовного и христианского измерения в науки о человеке, и в психологию в частности, нуждается в апологии и тщательном методологическом анализе. При этом многие психологи понимали, что требуется честный мировоззренческий и методологический анализ сложившейся в России психологии. Был ли он? Была ли осуществлена мировоззренческая и методологиче-

ская ревизия советской школы психологии? Полагаю, что нет.

Возвращение в психологию «духовности» развивалось, напротив, при сверхтщательной критической проверке. Сколько семинаров, сколько конференций прошло за эти годы: международных, университетских, церковно-общественных, частных. Уже и книг вышло немало. Да и какие мужи вписали свои имена в эту часть истории психологии: Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков, прот. Б. Ничипоров, Ф.Е. Василюк и мн. др. Нам казалось, что дискуссия о необходимости христианской психологии

завершена и возвращаться к этому более не нужно. Нам казалось, что в 2000-е годы началась новая эпоха для христианской психологии, эпоха методологической работы, научных исследований, формирования школы, образовательных программ. Казалось, что защищать тезис о том, что психология без христианства выглядит куцей, больше не требуется. Но оказалось, что это лишь полуправда. Дискуссия по-прежнему актуальна. Вновь и вновь нужно обращаться к смыслам гуманитарного знания, к духовному измерению науки, к понятиям ответственности, любви, совести и веры.

Однако в каждой дискуссии остается возможность словесной или грамматической эквилибристики. Воспользуюсь этим методом и я.

Вполне допустимо перевернуть вопрос, вынесенный в заглавие: «Психология — против религии или нет?» Казалось бы, недопустимый ход. Однако, с моей точки зрения, и та и другая (Психология без... и Психология против... — одно и то же) формулировка вопроса основана на идеологическом подходе: «Наука против религии», или «Религия несовместима с наукой». Подобная постановка вопроса для науки, для психологии в частности, — вопрос внешний, мировоззренческий, но не собственно научный. Говорить с научных позиций о допустимости или совместимости научного и религиозного знания, обоснованности религиозного мировоззрения в научном сознании едва ли возможно, так как в каждом научном вопросе, в каждой научной проблеме соотношение научного и религиозного сознания может оказаться многозначным и порой неразрешимым.

Представляется, что поставленный вопрос можно рассматривать в трех планах: внешнем (идеологическом), внутреннем (методологическом) и специальном, (на уровне предметной специализации).

1. *Идеологический.* Идеологический вопрос о связи науки и религии свойствен только нашему отечеству. Такова наша общественная и научная история. Наиболее неприятное в наследии советского строя заключается не в том, что государство ради идеологической борьбы искалечило науку, а в том, что многие великие умы оказались в плену атеистических убеждений. Вопрос о совместимости психологии и религии (а шире — науки и религии) возникает именно как вопрос религии и атеизма. Его можно переформулировать иначе: должна ли наука быть атеистической? Или так: затемняет ли религия истину? Если же очистить этот вопрос от идеологической окраски, то его можно было бы отнести к философии. Философски вопрос о соотношении религиозного мировоззрения и научного не может быть решен до конца и однозначно. В психологии этот вопрос должен, на мой взгляд, быть рассмотрен под экзистенциальным углом зрения, а именно: можно ли представить себе живого конкретного человека без религиозности? Можно ли рассматривать человека, не имеющего религиозности совсем? Если это возможно, с точки зрения психологии, то какова практическая ценность такой науки? Статистика, социология, реальность жизни требуют неперемennого участия религиозности. И психология не может

отказаться от рассмотрения религиозности как феномена человеческой жизни.

2. *Методологический.* Может ли религиозное мировоззрение, а это, собственно говоря, богословие (аскетика и антропология), принести пользу психологии; совместимы ли богословские представления о человеке и научные; возможен ли альянс между богословием и психологией в конкретных теоретических и практических исследованиях? На большинство этих вопросов ответить можно, на некоторые нет. Есть такие точки развития современной науки, в которых пути богословия и современного естествознания, по-видимому, расходятся. Прежде всего, это проблема эволюционного антропогенеза. С христианской¹ точки зрения человек возникает из акта творения, а не постепенно, развиваясь из животного. Другой, не менее болезненный вопрос — о реальности духовного мира. Для христианства немислима психология, которая, если не включает в программу своего исследования дух человека, то хотя бы не отрицает его бытие. История психологии показывает, что не так много школ² психологии полностью отрицали дух как реальность бытия человека. Теории и практики личности в большинстве своем могут включать или включают

духовно-религиозные аспекты бытия. Некоторые подходы к изучению сознания, мышления, творчества, речи близко соседствуют и пересекаются с вопросами религиозного сознания и, что самое главное, не противоречат друг другу. Главный вопрос методологии психологии в обозначенном ракурсе заключается для нас в следующем: *является ли человек, а именно его психика, сознание, личность, механизмом (животным или информационным) или он самобытное духовно-телесное существо? Является ли человек природным организмом только или сочетает в себе природу с самобытностью и свободой?*

3. *Предмет психологии.* С самых ранних периодов своего развития психология ставила вопросы о психологии религиозности и психологии религии. Происхождение веры, феномен духовного озарения, мистика и религиозная потребность — все это исторически обоснованные предметные области психологии. История психологии религии переживала разные периоды, но эта область всегда была и, на мой взгляд, должна оставаться. Католическая пастырская психология, протестантская христианская психология, советская психология религии — все это предметные области психологии, накопившие

¹Мы рассматриваем именно христианскую религию, а не религию вообще, так как конфликт с религией возник у науки именно с христианством. В истории науки нет и не было конфликтов между наукой и исламом, между наукой и иудаизмом. Так сложилось исторически. Борясь с христианством, так называемое научное мировоззрение отвергало, конечно, и другие религии, но прежде всего христианство и особенно церковь как консолидированное религиозное общественное сознание.

²К ним можно отнести собственно фрейдизм (в отличие от всего психоанализа), советскую психологию, бихевиоризм, когнитивную психологию.

значительный научный капитал, ставший сегодня практически классикой психологии.

Таким образом, если искусственно, идеологически не разделять психологию и религию (христианство³), то психология может непротиворечиво развиваться в методологическом и экзистенциальном диалоге с религией.

Для христианской психологии взаимное общение и развитие психологии и религии не просто диалог, но и единство. Главным тезисом в христианской психологии становится следующее: *психология невозможна без духовно-ориентированного подхода к человеку, в котором предметом оказывается не только психика, богоподобная личность человека, но и душа и дух, и одухотворенная телесность.*

Есть области антропологического знания, которые для психологии являются фундирующими и, отказавшись от которых, психология не может не почувствовать себя дезертиром. Это не только «высоты духа», но и более приземленные категории опыта: экстатические переживания, сверхсознание, религиозный опыт и мн. др. Среди таких фундаментальных категорий, которые мы считаем необходимыми, базовой является категория «души».

Проблема возвращения «души» как психологического понятия заключается в том, что психология, давно отказавшаяся от этого термина, существует в иной системе коор-

динат, в которой понятие души не может быть описано. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы либо изменить систему координат, т. е. пойти на фундаментальную методологическую реконструкцию, либо вводить параллельную систему понятий, которая могла бы неконфликтно соприкасаться с научной. Основная проблема заключается в том, что научная психология упорно сопротивляется онтологизации. А христианская психология не может деонтологизировать человека: душа как тварная сущность есть одна из важнейших категорий психологии. В то же время русская дореволюционная психология не может быть, видимо, образцом новой школы, христианско-психологической.

Рассматривая душевную жизнь человека в традиционном (православном) аспекте, мы описываем иные, нежели в научной психологии, явления: сердце, совесть, духовные чувства, вера, молитва, обожение, таинства и др. Но так или иначе все эти явления есть ткань жизни души (но не субъекта) и не сводимы к психике человека. Эта ткань открывается исследователю только как внутренний опыт, собственный опыт. Есть лишь один способ объективировать его — введение в научную предметность личностного опыта как достоверного материала. При этом единственным гарантом его достоверности является личность, объективирующая и субъективирующая научную реальность, как анализ и синтез как исследующий, так и исследуемый одновременно.

³Именно христианство по своей природе психологично, в отличие от ислама и иудаизма, в которых потребность в психологии и не возникала.

Святоотеческий аскетический опыт показывает нам блестящие примеры такой психологии.

Но и сама психология нет-нет да и обернется к «душе». Так, Альфред Ленгле пишет и о духовности, и о триединстве духа, и о душе (Ленгле, 2006, с. 149). Подобное есть и у Ролло Мея, А.А. Ухтомского, В.П. Зинченко (при всем его остроумии). Никак нельзя согласиться с рассуждениями двух докторов психологических наук (Петровский, Кондратьев, 2005) о том, что психология полностью отвергла категорию «души», что «наука и религия существуют в параллельных, непересекающихся плоскостях». Если бы это было так, невозможна была бы сама жизнь человека как духовного и интеллектуального существа, которому нельзя разделить надвое, на думающую и чувствующую и верующую части. Но суть, конечно, не в этом. Нам представляется, что главная оппозиция заключается в следующем: если «душа» может быть измерена, взвешена, исследована, то «психологи» возьмут ее в свои словари (там же, с. 155), если нет — христианская психология останется для них научной пустышкой. Иначе говоря, эти господа представляют себе науку только в рамках позитивистской методологии. Иной они не знают. И это не простое невежество, которое можно было понять в начале 1990-х, когда легальной литературы еще не было. Это позиция. Она заключается в том, что ученые советской формации не могут принять многозначность методологических подходов. И доказать здесь ничего нельзя. Увы.

Душа, с нашей точки зрения, является лишь отчасти психологичес-

ким предметом. В большей степени это предмет богословия и, главное, христианской антропологии. Здесь душа понимается либо как эссенциальная сущность, как «что», либо, в синергийной антропологии (С.С. Хоружий), как энергия, как «поток», как сила. С этих позиций открывается иная перспектива понимания истоков человеческой психики, сознания, активности и личности — перспектива действия души как энергии. В психологии душа может раскрываться не как предмет науки, но как онтологическая основа психических (а конкретнее — и психических, и допсихических, и сверхпсихических) явлений, процессов, состояний, структур, органов. Короче, душа есть то, на основе чего человек развивается, познает, осваивает мир, творит, желает, не желает, живет или умирает. Душа есть онтологическая основа личности, то есть то, ЧТО делает человека человеком в отличие от личности, которая, в христианской психологии, есть ТОТ, КТО есть человек. В психологии категория души может пониматься так же, как в физике категории объема и плоскости, взятые из математики. Это категории, без которых физике невозможно выразить многие законы, но которые сами не являются физическими дефинициями. Так же и душа — категория антропологическая, в психологии необходимейшая, но невыразимая языком психологии. То же можно сказать и о категории личности. Взятая из философии, она давно попала в психологический словарь, однако психологией не определяется.

Категория личности имеет свое определение для христианской психологии: *личность есть несводимая к*

природе, свободная, открытая, творческая, уникальная, целостная в смысле как неделимости, так и нерушимой идентичности, непознаваемая аналитическими объективирующими методами онтологическая основа человека, определяющая образ бытия его индивидуализированной природы (Чурсанов, 2005). Такая дефиниция не является психологической, однако для формулирования, понимания и ассимиляции в христианской психологии категории личности применима именно такая «переходная» форма. И лишь в последующей конкретизации, при переходе к теориям «второго» уровня, могут возникнуть собственно психологические определения.

Не следует думать, что мы предлагаем ввести в психологическую лексику религиозные термины. В богословской антропологии чаще используются понятия *ипостаси* и *лица*, когда говорят о личности. Понятно, что личность в классической психологии может быть передана только своим языком. Однако «De facto» в классической психологии действует общее понятие, что в человеке есть «нечто» и что оно, это «нечто», должно действовать, познавать, воспринимать, желать, мыслить, т. е. функционировать, причем личностно. А. Ленгле, например, называет это «нечто» «бессознательной глубиной», или «внутренней глубиной», или «источником Я» (Ленгле, 2006, с. 102). Но именовать этот источник никто из психологов пока не взялся. И поскольку это «нечто» невозможно психологически уловить, а тем более трудно было до сих пор выразить, то можно этого «невидимку» связать со свойствами и качествами деятель-

ности и задачами, т. е. «забинтовать невидимку», чтобы его видеть. Видимость личности в собственно психологическом поле придает категории личности феноменология явления, описание ее механизмов, структур (например, Я, защиты, самооценка и самоотношение и проч.). Психология не может знать, откуда личность, кто есть личность. Психология может поставить вопрос: «что» являет личность в предметном поле психологии (классической). «Саму» личность психология как будто не ухватывает, но видит и понимает механизмы ее формирования и действия. Но существо личности психология пока не выразила, хотя и «чувствует». А между тем это междисциплинарная проблема, как представляется нам. И решаться она может так же, как решается на границах физики и математики, например, или физики и химии. Для психологии такой границей, на гранях которой могут быть оплодотворены междисциплинарные категории, может быть граница с философией и богословской антропологией.

Понятно, что сциентистская психология предпочла бы этому границу с биологией. Но в психо-биологическом или психо-физиологическом дискурсе категория личности не определима.

В классической психологии, где царствует «что», невозможно говорить о свободе выбора, ответственности, принятии решения, о любви. Только принятие личности не как субъекта, не как сознания, не как интеллекта, но как «я», как лица, может позволить говорить о подлинной психологии личности. И здесь христианский опыт понимания личности необходим.

Кому-то, возможно, нужно еще материалистическое возражение, что душа и духовное в психологии невозможно сохранить и исследовать, так как ни душу, ни веру нельзя измерить, взвесить, изучать (имеется в виду экспериментальное изучение). Возразить на это нечего. В психологии почти вся предметность духовно-виртуальная, и «затащить» исследователя, студента или ученого, в лабораторию «психофизического» измерения личности или экспериментального изучения мышления сейчас непросто⁴. Но вновь и вновь я встречаюсь со своими учителями, которые спрашивают меня: как же соотнести научную психологию с религией? Ведь наука — это

«точность измерения», а религия — это вера в невидимое и неизучаемое?

Странно, как будто в нашей истории не было дореволюционного прошлого, не было П.А. Флоренского и А.А. Ухтомского, не было Н.О. Лосского и Н.А. Бердяева, не было И.П. Павлова и А.Ф. Лосева. Как будто вся информация и вся литература, открывшаяся после падения «железного занавеса», все живые свидетели иной, несоветской, немарксистской и некоммунистической науки, уже побывавшие в наших университетах, остались незамеченными нашими учителями. В каких же разных мирах мы живем? Как умещаются в России эти столь разные миры? Что будет с нами? По каким путям пойдет развитие нашей культуры?

Литература

Петровский А.В., Кондратьев М.Ю. Христианская психология: за и против // Скепсис. 2005. № 3–4. С. 153-157.

Ленгле А. Психотерапия: научный метод или духовная практика? // А. Ленгле Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2006.

Чурсанов С.А. Доклад на 16 заседании Методологического семинара по христианской психологии. 10 ноября 2005 г. // http://www.fapsyrou.ru/z16_chursanov.php.

⁴Такие лаборатории еще есть. Бывая в них, нельзя отделаться от впечатления, что попадаешь в музей мифологии: на стенах карты человеческого мозга, сложные блок-схемы каких-то процессов, провода, мониторы... Одно желание всегда преследует автора: хочется спросить «А вам это зачем? Вы действительно верите, что у вас самих в душе все именно так и происходит? Ваша личность действительно как-то соотносится с электрическими потенциалами в глубинах корковых образований?»